

An impressionistic painting of a boat on water. The boat is dark, possibly black or dark blue, and is filled with several large, rounded objects, likely pumpkins or gourds, rendered in warm, reddish-brown tones. The water is depicted with thick, expressive brushstrokes in a variety of colors including yellow, orange, red, blue, and purple, creating a vibrant and textured effect. The background shows more of the water and some green foliage at the top.

18+

БИТВА БРАТСТВ

СООБЩЕСТВО АВТОРОВ

Осипова Олеся

**Битва братств.
Сообщество авторов**

«Издательские решения»

Осипова Олеся

Битва братств. Сообщество авторов / Осипова Олеся —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515979-3

Жаркая битва в трёх разных жанрах: сказка, фэнтези и научная фантастика. Яркие, искромётные, глубокие по смыслу, с невероятно красивым сюжетом рассказы не оставят равнодушным настоящих ценителей хорошей литературы. Эти истории затрагивают невероятно широкий пласт культуры разных эпох, стран и времён, что делает этот оригинальный сборник по-истине красивым украшением вашей библиотеки.

ISBN 978-5-00-515979-3

© Осипова Олеся
© Издательские решения

Содержание

БЛЕСК СТАЛИ	6
БЛЕСК СТАЛИ	8
БЛЕСК СТАЛИ	11
И В ОГОНЬ, И В ВОДУ	14
ВЕЛИКИЙ ХРАНИТЕЛЬ	15
БЛЕСК СТАЛИ	18
И В ОГОНЬ И В ВОДУ	21
КАК ВАНЕЧКА ЖЕНУ ИСКАЛ	23
БЛЕСК СТАЛИ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Битва братств

Сообщество авторов

Иллюстратор Осипова Олеся

Корректор Пантелеева Юлия

Редактор Валерий Осипов

© Осипова Олеся, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-5979-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЛЕСК СТАЛИ КОНСТАНТИН ПЕРЕЙРО

Так было. Истину говорю вам.

И был год, и был урожай невиданный, и зверя уродилось, и рыбы, и птицы. И было счастье по всем землям. Но пришла мгла, и пришёл враг силой великой. Какие города наскоком брал, а какие измором, и всюду творил зло небывалое. А какие откуп платили, тех щадил.

И собрались мужи, и порешили – есть у нас и золото, и серебро, и камни редкие, и меха, царей достойные. Заплатим дань вдвое против того, что попросят – так избежим горькой участи. Так было.

Посол вражий дерзок был, лучшие кушанья ногами попрал, мёды столетие плевком осквернил. Дань назначил огромную, втрое супротив того, что предложили. На всё согласились мужи, смирили гордыню. Но то не вся беда была. Повелел враг, окромя дани, отдать всех дев наших, и потом каждый год отдавать по десять, а каждый десятый – по сто отдавать. Гнев обуял мужей, но вновь сдержались они, испросили время обдумать.

– Думайте, – молвил посол, – токмо пушай воевода ваш дочь свою мне сейчас отдаст. Так пойму я, что мира хотите вы, а не войны.

Не стерпел такого воевода, сталь блеснула, а голова посла в жбан с брагою упала. После такого мир невозможен стал – враг смертию карал государей, жён их, и детей, и челядь, и столицу жёг за убийство послов своих. Великий страх пришёл в земли наши. Так было.

О ту пору жил народ один рядом с нами, по прозванью ксары. То были сильные, издревле славные люди, и не было равных им в битве. Но были они грубы и заносчивы сверх меры, и хоть и не воевали с нами, но и дружбы меж нами не было. Пошли к ним на поклон. Просили – помогите врага победить, вот золото и серебро, камни и меха, царей достойные.

– Не нужны нам ваши меха, и золото, и серебро, и камни, – отвечали ксары. – Дев ваших отдайте, а мы врага вашего победим. Так будет честно.

Взярились наши мужи на речи такие, за мечи схватились. И сказали тогда девы наши:

– Раз уж от нас одних зависит спасение земли нашей от беды великой, так тому и быть – пойдём к ним в жёны. Лучше так, чем к врагу на поругание. Так было.

И была битва, и длилась она день, и второй, и третий. И полегло народу великое множество, но враг был силён, а мужей у ксаров в половину меньше осталось. Стон и плач по земле стоял, и девы какие так девами и вернулись к отцам – не успели на брачное ложе возлечь. Так было.

И пришёл царь ксаров к царю нашему, и молвил:

– Вот я, царь ксаров, и я отдаю тебе свою жизнь. Ибо взяли мы от тебя плату, а выполнить уговор не можем, даже если погибнем все до единого. Есть у врага войско ужасное, с каким мы отродясь не встречались, и отцы наши, и деды, и деды их дедов. Те воины, какие и мертвы уже, а какие и тленом пошли. Но все ходят, подобно живым. И не знают они устали, и бьются с неистовством невиданным. И не берёт их ни сталь, ни дерево, ни камень из пращи. И пожирают они тела павших, а кого и живём ещё, аки звери дикие. И смрад вокруг них стоит, и миазм великий. Таких врагов мы не знаем как победить, посему бери мою жизнь.

И молвил наш царь тогда:

– Ты самый великий воин, из всех кого знали наши земли. И слова твои вселили в меня скорбь и страх. И ежели ты не смог победить врага нашего, то и никто не сможет. Надобно нам всем готовиться к смерти.

Так было.

Но был в нашей земле один муж, и звали его Кабар. И был он тщедушен и слаб, чтобы мечом махать, но луком искусно бил. И пришёл он в шатёр царей. И молвил Кабар:

– Знаю я, как извести ворога нашего, и за то прошу я лишь одно – отдайте за меня дочь воеводы. Ибо не смотрит она в мою сторону, а я лишь в её сторону смотрю.

Опосля чего поведал, как победить ворога страшного. Так было.

И вышло войско, и бились плечом к плечу наши народы. И было вёдро, и была хмарь, и был дождь великий. И дождь тот из стрел был, и снега, и каменьев, и воды, и огня. И полегло немало мужей, а врагов много полегло.

И забили тогда барабаны, и затрубили трубы, и от стоны их трескались скалы. И пошло вперёд войско ужасное, что не брала ни сталь, ни дерево, ни камень из пращи. И содрогнулись мужи, как услышали вонь и миазм великий. Но тут вышли цари народов наших, и воеводы, и дружина их. И был клич яростный, и наполнил он сердца мужеством. И была сеча превеликая. Уж снег водою стал, а вода – грязью болотною, уж солнце село, а всё не умолкал звон мечей, и брань неслась, и крик, и стон. И тут пал последний воин из войска ужасного, и тогда дрогнул враг. И хоть сил уже не было в дланях, а ноги нести отказывались, все как один в бой ринулись. И кто ранен был – тот пошёл, и кто убит не до смерти – тот пополз, ибо враг дрогнул и сдал. Так было.

И была резня страшная, и не знали мужи милосердия, а враг – пощады. И царя вражьего пленили, а с ним воевод, но каких и убили сразу. И перед смертию лютою, лишь одно спросил он, царь чужеземный:

– Как?! Как вы могли одолеть войско моё непобедимое? Ведь ни сталь, ни дерево, ни камень из пращи не брали его!

И вышел вперёд Кабар и сказал:

– Хоть и смог ты сотворить войско, что ни деревом, ни камнем, ни сталью не победить, но про бронзу ничего не подумал. И супротив неё колдовство твоё бессильно было. Так мы тебя одолели – одною лишь бронзою и силою своего духа.

Издали тогда вопль громогласный царь вражеский, и тут же издох в муках.

И был пир величайший, и длился он год и один день. И было кушаний и браги вволю, и было веселье, и наши народы тогда породнились. А от дочери воеводы и Кабара пошёл благородный род, и трудами его земли наши богатеют и приумножаются по сей день.

Истину говорю вам. Так было.

БЛЕСК СТАЛИ ТАНИ МИРТАНИ

Тонкие длинные ножки оленя легко коснулись края небольшой ямы, наполненной дождевой водой. Он остановился лишь на мгновение, чтобы затем вновь умчаться в дремучий лес. Стоило ему исчезнуть, как из кустов вышел Ларс, только что наблюдавший за животным. Вот уже несколько месяцев юноша приходит на это место, чтобы полюбоваться на прекрасного оленя.

Ларсу всегда хотелось стать таким же свободным и сильным как старший брат. Лишь одного ему не хватает для завершенности образа – нового настоящего меча. На левом боку, в ножнах висит жалкая копия, исцарапанная временем, подаренная старшим братом.

Интерес к лесному обитателю был вызван не только праздным любопытством. Лесные олени, согласно легенде, знают тайну затерянной пещеры, где спрятано сокровище – идеальный меч. Говорят, блеск его стали ослепляет врагов, сам меч легко разрубает металл, и при этом легкий как пушинка.

Юнец скрывался от посторонних глаз, родные не разрешают ему далеко отлучаться от родных мест. Он живет в замке величиной с небольшой домик.

Отец его был обыкновенным лесорубом, но дома он называет себя королем, жену королевой, а детей принцами. На ответы сыновей, где же их королевские мантии, отец семейства полусушутя отвечал, что это они смогут узнать у лесного оленя. Старший сын давно перестал верить в отцовские рассказы и просто продолжал его дела. А младший Ларс мечтает стать настоящим воином.

Никто из жителей не знал, что олень, часто появляющийся близ жилищ, был на самом деле кровожадным волшебником, заманивающим наивных молодых людей в свою пещеру. Пещера являлась своеобразным местом арены, в котором выступали в смертельных схватках пленники.

Однажды ясным утром юноша вновь пришел на свое любимое место. В этот раз олень резко прервал щипать зеленую траву и даже не шелохнулся, когда тот стал приближаться. Животное позволило юноше подойти к себе и погладить по голове. Затем стрелой помчался в лес, а Ларс побежал за ним сквозь кусты. Лес сгущался, по неведомым дорожкам животное добралось до таинственной пещеры, и впрыгнул внутрь, увлекая за собой юношу. Тот, охваченный погоней, не разбирал куда бежит и вскоре потерялся в темных лабиринтах пещеры.

Олень исчез где-то далеко, вокруг него оказалась непроглядная тьма, а дороги назад он не помнил. Любой бы на его месте начал бы поддаваться чувству панике. Любой, но только не Ларс.

Из темного коридора навстречу ему вышел незнакомец, державший в одной руке масляный светильник. Одетый в серый балахон, а лицо его скрывалось под маской оленя.

– Идем со мной, – обратился он к юноше.

– Я знаю, что тебе нужно и научу быть воином.

Юноша невольно поддался его мягкому голосу и пошел вслед за ним.

Ларс старался сохранять внутреннее спокойствие, несмотря на расспросы. Он понимал, что попал в ловушку и ему придется играть по чужим правилам, чтобы выжить. В кармане его тканой куртки лежал засушенный букет первоцвета, придававший ему сил.

Незнакомец свободно ориентировался в темных коридорах.

Внезапно он остановился и дернул что – то в стене. Сразу каменная стена раздвинулась сама собой, и они оказались в уютной комнате.

Пол подземной каморки, устланный звериными шкурами, кровать и стол – сразу определили, что юноша тут надолго застрял. Почти что навсегда. Лишь рассказы незнакомца о мече придавали ему сил.

Ларс, совершенно забыл счет времени. Дни пролетали быстро за освоением техники ведения боя с холодным оружием.

– Скоро будет твой день, и возможно ты выиграешь свой драгоценный меч.

– Здесь все равны, – неизвестный криво усмехнулся и покинул камеру юноши.

Однажды незнакомец принес пленнику новую одежду и повел за собой, завязав глаза. Когда пелена с глаз упала, то Ларс обнаружил себя стоящим возле клетки со спящим драконом.

Под ногами оказались опилки, а на него через высокую сетку взирала шумная толпа всевозможных монстров.

– Борись или проиграешь, – зашумела толпа.

Юнец озирался по сторонам, ища своего учителя. Тот быстро вернулся к нему, чтобы ободрить.

– Мальчик, сегодня твой великий день. Твоя мечта может сбыться. Тебе всего-то нужно победить дракона. Это очень легко, он больной.

Затем закончив с напутствием, мужчина в маске оленя, обратился к толпе:

– Да начнется великое зрелище! Да начнется битва! Да прольется море крови!

– Слуга! – закричал он куда-то вверх, – открывай Дракошу.

Не успел юноша глазом моргнуть, как учитель покинул арену, а зверь в клетке стал просыпаться от скрежета поднимаемой дверцы.

«Не поддавайся страху, ты сильнее». Ларс приготовился к обороне. Его жалкий поцарапанный меч сложно было назвать оружием, скорее детской игрушкой.

Серое тело огромного ящера обезображивали небольшие борозды от плохо заживших ран. Он тяжело переступал своими лапами, стуча по арене массивным хвостом. Возможно, это был еще молодой дракон, потому что гребни на его спине совсем крошечные, а уж в биологии драконов Ларс хорошо разбирался.

Внезапно юноша вспомнил старую легенду, где рассказывалось о том, как храбрый воин победил огромного дракона желтеньким цветочком и получил в награду сияющий меч.

Наощупь достал из кармана тканой куртки букетик сухого первоцвета. В бою старый меч был безделушкой, но стоило попробовать использовать в качестве отвлекающего маневра.

Кружа по арене от разъяренного дракона, юноша закинул в открытую пасть зверя букет.

Машинально разжевав и проглотив добычу, дракон завалился на бок, испустив белую пену.

В этот раз все получилось. Как в сказке.

Толпа взревела от восторга, хотя и нашлись отдельные монстры, недовольные внезапной победой. Их гнев был, вполне объяснив, ведь они делали ставки на дракона.

На арену вбежали человечки в звериных масках, утащив поверженного соперника. Затем возвратился учитель, державший в руках сверкавший меч.

– Мой мальчик, ты заслужил награду.

Смирненно приняв награду, Ларс с позволения учителя отправился взглянуть еще раз на дракона, чтобы оторвать с его лапы коготь.

Лишь только он потянул за коготок на мизинце задней лапы, как тот очнулся и сжег языком пламени рядом стоящих человечков.

Затем обернувшись и увидев юношу, улыбнулся ему звериным оскалом. Чуть лизнул его, будто пробуя на вкус языком, словно домашний пес. Затем схватил Ларса осторожно зубами за шиворот, чтобы усадить себе на спину.

– Так у тебя живот болел? – Ларс осторожно обратился к дракону.

Тот радостно зашумел хвостом, подтверждая его слова. Лишь цепь на шее нового друга могла помешать их спасению. Пора применить новый меч в деле. Вытащил его из ножен. Взмахнул им, легко разрубая массивную цепь. Теперь его друг свободен, пора убираться. Незнакомец в маске оленя не обещал ему свободы, лишь меч. Легкость победы обманчива.

– Вперед, – скомандовал дракону Ларс. Новый питомец послушно выполнял его просьбы, ведь ему самому надоело это подземелье.

Путь свободен, почти все монстры осаждали кассы, получая выигрыш за битву. Остальные испуганно вжались в стенку, давая проход дракону.

Опираясь лишь на свое чутье, дракон проползал арки темных коридоров, как длинная ящерица, прижав плотно крылья к телу. Его глаза горели, подобно огромным желтым фонарям, а горячее дыхание согревало каменные своды как огромная печка. Нужно торопиться, стены осыпаются, проход может завалить камнями.

По мере приближения к выходу, дракон становился смелее. Чуть показавшийся еле видный луч солнечного света придал им сил.

Стремительно в величественном молчании они вылетели из ловушки. Далеко – далеко навстречу новой жизни. В небесной вышине ярко вспыхнули драконьи глаза и блеск стали.

БЛЕСК СТАЛИ ТАТЬЯНА ФИЛЬЧЕНКОВА

Усталое светило катилось к краю земли, когда в колышущемся знойном мареве возник обоз. Колояр с родичами, возвращаясь с капища, увидели на дороге поднятое телегами облако рыжей пыли.

«Неужто таков ответ Велеса на жертву?» – Колояр бросил быстрый взгляд на жену. Вирилада без слов побежала к лесу. За ней устремились остальные женщины.

Мужчины, затаившись за чахлыми кустами жимолости, ждали появления незваных гостей. С обозом шли дюжины три крепких мужей в заморских одежах. Их обветренные лица были темны, а бороды и бровы выбелены солнцем.

Колояр коснулся рукояти меча и пожалел, что в руках не привычный ему кузнечный молот.

Селяне преградили дорогу:

- Куда, люди добрые, путь держите?
- Друже, с миром идём. Кривичи мы, купеческая дружина кагана Улича.
- Далече вас занесло. А чего пешие?

– Из Константинополя возвращаемся. Год, почитай, дома не были. На ладьях шли, да реки обмелели, со Славутича выйти не смогли. Пришлось суда бросить, да товар вывозить. Негоже у хазар воды ждать. Нонче у них мир с тобой, а завтра – как знать...

И правда, с середины яры небо ни дождемки не уронило. Земля растрескалась, посевы горели, скот отошал и падал.

- Дозволите остановиться на ночлег у реки?
- Коли с добром пришли, так ночуйте. Но сперва досмотрим. Сами ведаете, времена беспокойные.

Посреди обоза четверо коричневых молодцов, одетых в шаровары, держали на плечах крытые носилки. Колояр отродясь таких людей не видывал.

- Кто ж такие? – любопытствовал кузнец.
- Невольники. Несут подарок турецкого паши кагану Уличу, – один из купцов откинул полог носилок.

В глубине, точно чёрные звёзды в лучах-ресницах, блеснули глаза. Колояр всмотрелся: на подушках лежала девица. Кожа цвета дикого мёда, тёмные волосы завязаны в тяжёлый узел на шее, а уста... Ох... На груди, в ушах, на плечах и запястьях, даже в маленькой ноздре сверкали украшения. У кузнеца аж дух перехватило.

- Что за диковина?
- Нидхи, дочь раджи, индейского кагана.

В остальных телегах дружина везла ткани, ковры, мечи без рукоятей да мешки с зерном. Налегке вели с полдюжины тонконогих лошадей.

- Селяне свистом дали женщинам знак, что опасности нет, и повели гостей к реке.
- Не поделитесь ли снедью?

Колояр с родичами тяжёло переглянулись. С такой сушью на урожай рассчитывать не приходилось. Самим бы зиму пережить. Дружинники понимающе закивали и достали мешочки с орехами и восточные сладости, завёрнутые в прозрачный от жира пергамент. Добрый обмен: орехи за зиму от голода не передохнут, в отличие от скота. Гостям привели две худых овцы.

Сумерки не принесли прохлады. Даже у воды воздух был спёрт. Воняло тиной. Дружина развела костры. Вскоре над котлами за клубился пар от варева. Для индейки раскинули шатёр.

Кузнец остался с купцами на трапезу, чтобы расспросить тех о заморских странах. Вирилада разливала брагу. Путники не сводили с неё глаз: статная, синеокая, волос – что пшеница под солнцем.

– Ступай домой, – сердито буркнул Колояр жене.

Старший из дружины молвил:

– По осени собрали полюдые пушниной, да двинули в путь, пока реки не встали. Везли ещё полсотни пленённых полонянок, дюже охотно их в гаремы турки берут...

Вдруг из темноты донесся звук, будто легонько встряхивали бубен. Кузнец оглянулся. Нидхи в окружении рабынь и невольников шла к реке. При каждом шаге браслеты на её щиколотках и запястьях издавали переливчатый звон. У кромки воды невольники натянули полотно, точно занавесь. Дочь раджи укрылась за ней и приступила к омовению. Одна из рабынь держала факел, который отбрасывал на ткань тень девушки.

У Колояра зашумело в ушах и сдавило виски. Говор кривичей превратился в гул, уже и слов не разобрать. Не стоило пить брагу в духоте.

Глухо забряцали мокрые браслеты, возвещая, что Нидхи возвращается в шатёр. На миг свет факела выхватил из темноты тело индейки, обтянутое влажной тканью. Кузнец успел заметить холмики груди с крупными, точно вишни, сосками.

Дневной зной и ночью не покинул избу. Колояр долго метался, не в силах уснуть. Разбуженная Вирилада обняла мужа. Но перед глазами кузнеца стояли груди Нидхи. Грубо оттолкнув жену, он выбежал вон из избы. Тело горело. Вылил на себя ушат воды, но легче не стало. Бросившись на землю, сгрёб перстами ломкие стебли травы и зарычал:

– Увезут навсегда. Не видать её боле!..

«А если выкрасть? Куда ж с ней потом? А хоть куда... В лес, в землянку... Иль на север податься. Но лишь моя она будет. С дружиной только не сдюжить одному...» – засела в горячем сознании отчаянная мысль.

Солнце ещё не взошло, а чёрный замысел уж был готов. Далее на пути купцов лежало селение, у люда которого с кузнецом имелся общий пращур. Оседлав коня, к полудню Колояр был на месте. Но, до встречи с родичами, нанёс себе неглубокие раны и разбил голову камнем.

– Друже, беда! Вороги, прикинувшись купцами, попросились к нам на ночлег. А ночью убили мужей и пленили женщин, – кричал кузнец, въехав в село.

– Уж мы-то их приветим, – был ответ родичей.

Устроив засаду в лесу, ждали появления гостей.

Колояра трясло в ознобе. Солёный пот выедал глаза. Стуча зубами, бормотал:

– Моя, моя лишь будет...

– Ты хворый совсем. Укройся, мы сами разберёмся, – шептал в ухо родич.

– Не-е, то моё дело более, чем ваше.

Обоз показался на закате. Едва он поравнялся с укрытием, как селяне напали на дружину. Багровым блеском сверкнула сталь.

Колояр бросился к носилкам, проткнув на бегу одного невольника и сбив ударом кулака второго. Откинув полог, вытащил кричащую Нидхи и, закинув на плечо добычу, устремился в лес.

Вскоре стихли звуки битвы. Сейчас родичи поймут, что к чему, и снарядят погоню. Но опускающаяся темень укроет лиходея. Сзади раздался треск рвущейся ткани. Колояр обернулся. Но то край одежи девицы зацепился за ветку. Не медля дальше, глубже в чащу.

Пора бы и рассвету быть, но тьма всё гуще. Ни луны, ни звёзд на небе. Безумец остановился перевести дух. Глядь – перед ним лоскут на ветке.

«Неужто Леший водит кругом?» – ознобом прошибла догадка. Рядом ухнул филин:

– Ух-убил, ух-убил...

И вдруг словно спала пелена.

– Что ж сотворил я? Сколько ж люда на смерть обрѣк? – простонал Колояр, выпуская Нидхи. Та бросилась бежать, звеня браслетами.

Нагнав её на поляне, повалил на землю.

– Ты!.. Ты, гадина, заморочила...

Лиходей срывал одежды с пленницы. Больно ударил в лицо град рассыпавшихся бусин. В этот момент молния озарила лес и древнее капище, посреди которого они лежали. Крик Колояра слился с громом:

– Я понял: вы хотите жертву.

Он занёс уже нож над дочерью раджи, как услышал, что та произносит мольбу на чужом языке и смотрит в сторону Мокоши.

– Она тебя не спасёт, – хрипло захохотал душегуб.

Холодные кольца стиснули руку с оружием: вокруг запястья обвился змеиный хвост. Глаза девицы полыхнули жёлтым огнём, из уст метнулся раздвоенный язык. Колояр отпрянул от жертвы. Стремительный бросок змеи – и горло обожгла нестерпимая боль.

Хватая в агонии воздух и раздирая в удушье грудь, кузнец не почувствовал, как на лицо упали первые капли дождя.

И В ОГОНЬ, И В ВОДУ ЮЛИЯ ПАНТЕЛЕЕВА

Старый якут Тимир наблюдал за тем, как его старший сын Уруй разделял тушу только что застреленного им на охоте оленя. Как только начало смеркаться, они устроились на берегу реки Амга, неподалеку от горы Харама.

Тимир грелся у костра, ночная температура в этих местах уже к концу июля доходила до минусовых отметок. Морщинистое лицо старика озорилось улыбкой, когда он услышал голоса своих внуков-четырнадцатилетнего Айхана и двенадцатилетнего Эргиса.

– Что ты говоришь? Просто тебе показалось! Не может быть на горе лица! – раздался голос Айхана.

– Может! Спроси у отца! Он знает этот хэпсээн*.– раздражённо ответил Эргис.

– Отец, отец! – Айхан подбежал к отцу и быстро что-то затараторил, Тимир не расслышал.

Отец одним лишь своим суровым взглядом уgomонил мальчишек. И они перестали донимать занятого мужчину. Молча уселись у костра.

Старик, с чуть заметной улыбкой на лице, рассматривал их молодые лица. После он достал из мешка с припасами свой варган, и над рекой полились звуки музыки.

– Давным-давно.– раздался голос старого якута, и мальчишки наострили свои уши.– Жил молодой шаман Мичил и прекрасная шаманка Удаган. Они полюбили друг друга, но их племена враждовали. Бессмысленная многовековая вражда погубила влюбленных.

Тимир снова поднес варган ко рту, мальчишки терпеливо ждали продолжения истории.

– Чтобы показать, чей род сильнее, старейшины племени заставили молодых людей сойтись в астральной битве. Мичил тогда погиб. Не смог он убить свою возлюбленную и сам предпочел смерть, прыгнув с горы Харама в воды Амги. В память о своем возлюбленном, юная Удаган огненными стрелами погубленной любви выжгла на каменной горе образ любимого. А после смерти шаманки, её лик появился на горе рядом с образом возлюбленного.

Тимир повернул голову в ту сторону, где над рекой возвышалась та самая гора. Внуки, раскрыв рты, тоже вглядывались в темноту, но темная ночь скрывала всё. Только очертания высокой горы были видны под небом, усыпанным миллиардами ярких звезд.

Снова зазвучал варган.

Перед сном мальчишки договорились, что завтра утром, когда сойдёт речной туман, они обязательно попытаются лучше рассмотреть лицо хозяйки горы, юной Удаган.

*Хэпсээн-рассказ, миф, легенда.

ВЕЛИКИЙ ХРАНИТЕЛЬ ЛЯНА ПОЛОНОВА

Звучит скрипучий голос старого морин хуура. Он надрывен и печален. В каждом его звучании слышна тоска о древних временах. Какую историю ты хочешь мне вновь рассказать?

* * *

Среди гор жил однажды смелый народ. Он не знал ни страха, ни тревог, ведь охраняла его великая гора. Народ с почитанием и уважением относился к своему хранителю и каждый год, проходя через его пик, они поклонялись ему. Они любили его не только за силу и мощь, но и за то, что делился своей красотой.

С острого пика открывался захватывающий вид на владения хранителя. На чистом небесном море плыли пушистые облака. Его каменистые и обширные земли украшала зелёная трава, с виду казавшейся мягкой. Но больше всего радовало озеро в форме сердца, что было расположено под крутым склоном. Именно сюда приходил тот чудесный народ, пройдя сложный пик, чтобы отдать частичку своей любви хранителю.

Но однажды случилось несчастье...

* * *

– Бабусэнгэ! Бабусэнгэ! – кричала круглолицая женщина лет сорока пяти, бегая у подножья горы.

– Эжи, я тут, – выбежал малец с перемазанным лицом.

– Где ты был!? Я тебя везде обыскалась! – кричала женщина, дав мальцу увесистый подзатыльник. – И почему ты чумазый? Да еще в такой важный для нас день!

– Эжи, простите меня, – с раскаяньем в голосе произнёс мальчик, опустив низко голову. – Я... Увидел бабочку и побежал за ней... А потом споткнулся и упал. Там ещё грязь была. А мне было жарко. Я хотел вытереть лицо.

– Ну что с тобой делать? Беги быстро в юрту и мой лицо. В день благодарения мы все должны быть чистыми. И постарайся у спеть к восхождению. – произнесла женщина, потрепав сына по макушке.

– Да, эжи, – улыбнулся мальчик, почувствовав материнскую ласку.

И вскоре он убежал туда, где стояли немногочисленные юрты.

Солнце стояло высоко над горами.

– Пора начинать восхождение. – прозвучал голос вождя небольшого племени.

– Но мой мальчик... Его всё еще нет, – взволновано проговорила женщина.

– Дашима, мы не можем ждать, – ответил ей вождь.

– Но...

– Мне жаль. Но если так уготовано судьбой, то пусть так и будет. Но на следующее поклонение он должен присутствовать и покаяться перед хранителем. А сейчас оставь ему знак, чтобы он не шёл к озеру сердца. Опасно одному проходить через пик.

– Да...

С тяжёлым сердцем Дашима обвязывала лоскуток белой ткани на ветке дерева. Обвязанный лоскуток был знаком для тех, кто отставал в начале восхождения, что бы потом он не смел идти один. Ведь путь к священному озеру было сложно пройти в одиночку.

Сколько таких было смельчаков? И где они теперь они? В землях хранителя. Дашима очень наделась на то, чтобы сын не пошёл вслед за ней, а убежал обратно в юрту и там будет её дожидаться.

* * *

– Эжи! Я помылся! – запыхавшись, проговорил мальчик, прибегая на место сбора.

Какого же было его удивление, когда он никого не обнаружил.

– Неужели они без меня пошли? – раздосадовано проговорил мальчик.

Но вот он заметил тропинку, что была началом восхождения.

«Я сам до них дойду!» – решительно подумал мальчик, направляясь к тропинке, не замечая колыхания лоскутка, что был обвязан на ветке дерева.

* * *

Он устал. Сил идти дальше не было ни каких. Да и серые тучи заполонили собой голубое небо, грозясь вот-вот разреветься. Сильный ветер был в лицо. И сбивал с пути. Но мальчик упорно поднимался, стараясь делать это как можно аккуратнее, чтобы не упасть. И вот, несмотря ни на что он взобрался на этот пик. Но не это он хотел увидеть... Совсем не это...

Мама всегда ему рассказывала, что озеро сердца чище слезы, но сейчас оно таким не выглядело. Он было красным. Кроваво-красным.

Среди людей, от которых остались лишь кости, носилась жёлтая, большая, трёхголовая собака. Этот прекрасный день благодарения для людей, стал кровавым пиром для неё. Она с вожделением вгрызалась в человеческую плоть, блаженствуя от вкуса крови в своей пасти.

Мальчик долго смотрел на всё то, что происходило у подножья пика. Он не мог издать ни звука, ни пошевелить телом. Он вообще ничего не мог. Страх... Он сковал всё его тело нерушимыми оковами.

И вот она обратила на него свой взор. Она почувствовала это дивный и прекрасный аромат свежего мяса, что исходил от мальчика. Не спешно она направлялась к нему. Она снова была на охоте, после которой её должен ждать вкусный пир.

В это момент звук оглушающего грома привёл мальчика в чувство. «Бежать! Надо бежать!» – билось в его голове. И он мчался со всех ног подальше от этого места. Но собака его догоняла.

Он задыхался. Он споткнулся и упал. Сильная боль пронзила висок. А дальше только темнота.

* * *

В тот день хранитель плакал. Его горе было безутешным. Его дети... Они все стали угощением для бешенной собаки Гуниг.

Но выжить один сумел. Мальчик по имени Бабусэнгэ. Каким чудом ему удалось избежать злой участи судьбы никому не известно.

Как только он открыл глаза, того мальчика больше не существовало.

Он поклялся отомстить за смерть своего народа. За смерть родной матери. Кем бы ни была эта жёлтая собака – он уничтожит её.

Хранитель услышал его мысли. И как ни кто другой понимал его чувства. Он понимал тот жгучий огонь в мальчишеском сердце. Но ему нужна будет помощь.

В холодном чреве своём создал хранитель наставника, для этого мальчика. Пусть свершится месть за погибших детей и родителей.

* * *

Сколько лет прошло. Не известно. Но тот мальчик вырос в юношу, что был силен не только телом, но и духом. Его глаза сверкали холодной сталью. Но в душе пылал пожар, который не потухнет до тех пор, пока тот демон жив.

Сквозь годы тренировок и пройденных множество путей он смог отыскать логово того зверя.

– Гуниг! – юноша к демону вызвал. – Сразись со мной!

– С тобой? Смешно. Я съем тебя и глазом не моргнув.– ответил зверь ему, лишь усмехнувшись.

– Меня зовут Бабусэнгэ, и ты падешь от рук моих!

– Бабусэнгэ говоришь... Ну что ж посмотрим, подходит тебе это имя или нет.

И вот в смертельно танце кружат и зверь и человек. Один удар. За ним другой. Кровь и боль. Но страха нет. Одни полны отчаянной решимостью. Другие же озорством полны. Одно ранение. За ним другое. Кто же будет любимцем судьбы? Не известно. Выбор лишь только за ней.

Но выбор сделан был ею. Бабубсэнгэ, что значит храбрый лев.

И пал шакал. И месть свершилось. Но вот душа пустая. Куда идти? К чему стремиться?

И он услышал глас хранителя своего: «Ты исполнил волю мою. За это я буду всегда тебе благодарен. Иди туда, где конец владений моих и найдешь там судьбу свою. Я даю тебе свое благословение. Но просьба одна. Возроди свой прекрасный народ. И пусть они не будут жить на этих землях, но я останусь их хранителем навсегда».

* * *

И вот отзвучал морин хуур. Спасибо тебе, мой старинный друг за прекрасный рассказ.

БЛЕСК СТАЛИ ДАРЬЯ САВЁЛОВА

Ночь. Притаилась степь уральская. Ни травинка, ни листик не колыхнется. Духмяный воздух, дюжа грудь распирает. Близок, поди, Емельян. Сталь обжигает вены, аж выть хочется. Не видать ему крепости нашей родимой. Не для него, жены наши хлеб пекли и сарафаны утюжили. Синий кафтан, черный сыромятный ремень, шаровары, да баранья шапка, это мой друг Игнат Баринов с обхода идет, да заунывную протягивает. Любит этот черноокий девичьи слезные песни распевать. А голос у него, будто Уя с Уралом встретились, да волновой бой затеяли. Сердце сжалось от настигшей тоски.

– Слышь, Игнат, довольно душу бередить!

– Зашумела дубравушка зеленая, застонала дороженька широкая, повезли моего милого...

– Игнат! – метнул я нагайкой по низкой траве.

– Эх, Глеб Михайлович, нет в вас молодецкой удали, нет в вас березового сока с кислинкой...

– Нету? Поди, посиди со мной рядышком, поглядим на туманец молочный. Когда еще выдастся пора такая.

Вздыхнул бурлак, сдвинул шапку на чернявые брови, да заскрипела роса под сапогами.

Тихо. Майские звезды, ярче обычного полыхают. Словно под иглой моей матушки, россыпь появляется. В груди защемило. До чего же она искусной рукодельницей была. Что ни день, то маки на подушке распускаются краше прежних полевых цветов.

– О чем молчишь батька? А?

– Тссс... слышишь? – Игнат наострил уши и сжался, цепляясь за рукоять изогнутой шашки. – Добрались-таки, окаянные...

Разлетелся вой по степи уснувшей. Воспряли казаки и собрались гурьбой в глубине лагеря.

– Емельян Иванович пожаловал. Здорово ночевали, но пора и честь знать!

Атаман Григорий Петрович, улегал на правую ногу, но ловко оседлал коня и оглядел Лаву. Разомкнулся строй в одну шеренгу, а маяк (резерв), до нужного часа приберег. Изумился Игнат багрянцевым огням в степной глуши. Ранний он совсем, не видывал сражений, подумал про себя Глеб.

– Эй, Игнат? Когда лава в бою – ковыль перед ней ложился на двенадцать аршин впереди. Так что не пужайся!

Выплюнул я соломинку сладко-горькую, да потер усы, пеплом посыпанные.

– Легко вам батька речь молвить, а только от мамкиной юбки отпрянул.

Хлопнул тяжелой ладошкой сына своего, да улыбнулся:

– Гляди на меня, да шашку повыше держи.

Ловко Григорий Петрович сотней командовал. Все приемы, да маневры в голове держал. Вот, поднял он шашку вертикально и легонечко покругил – готовимся к бою. Зашуршала листва, засудачили птицы, войско разнолюдное показалось вдали. Мягкое движение и мгновенное прикладывание к ноге – двигаемся на противника. Разлилось рассветное зарево, да ринулись в атаку казаки.

Свист, хлест, взмах, не сносить захватчикам головы. Пугачевское войско отступило в вечерний час. Скрыла седая степь их в своих объятиях. Надолго ли? Рвет и мечет, подкошенный картечью Емельян Иванович. Не преступна крепость, как пучина речная. Не лыком шиты казаки уральские.

Тишина. Немало полегло в ближнем в бою. Тяжело стонет Игнат, лежа на окропленной кровью земле.

– Пусть, Глеб Михайлович меня отпустит. Пусть напутственное слово кажет.

– Тише, Игнат, тише. Вон он идет, потерпи миленький.

Снял шапку атаман, склонился на одно колено и коснулся лба Игната.

– Ты, верно, сражался Игнат Назарович. Не отступил, не сложил шашки. Ты изрядно потрудился, теперь хорошенько помолись. И не страшись смерти, не страшись.

Сомкнул Игнат веки, истошно выдохнул и, сжав мою руку, испустил дух.

– Отправлю его тело в станицу. Пусть родня по всем традициям проводит в путь.

Григорий Петрович согласно кивнул, и я подозвал Гордея, что земляком Игната назывался.

– Унеси Игната. Да, про коня его не забудь. Участь у того печальная, идти за хозяином с буркой на заливке.

– Как скажете, Глеб Михайлович... Эх, Игнат-Игнат...

Соломенные кудри Гордея развивались на майском ветерке. Прощай друг мой, прощай ясно солнышко...

Изнова ночь пришла. Ажеж только верхоконный в красном одеянии по небу мчался. Евонный след, еще на горизонте маячил и глаза слепил. Где? Привиделось? Али как? Не почудилось... подбираются позорники к лагерю. Очухался Емельян, да за старое взялся.

К утру, как не старались штурм отбить, полегли в степи. Оскалился захватчик, ворвался в крепость, махая своими саблями, да рогатками. Капитана с женой, священника, поручика, и в довесок немало число казачьих иначе казнили. Разнесся вопль по округе. Забурлили березовые кроны далече, да смолкли вовеки.

Хорошо в нашей станице летом. Тихо. Соловьи горлышко пряной росой промочили, да дивно крушинятся на ветках. Давненько я их не слыхивал. С той поры, как с земли уральской воротился.

– Ой, да не вечер, да не вечер.

Мне малым-мало спалось.

Мне малым-мало спалось,

Ой, да во сне привиделось.

Мне малым-мало спалось,

Ой, да во сне привиделось...

– Зоя Дмитриевна, не тереби душеньку. Дай, на закат муренький насмотреться!

– Глеб Михайлович, вам бы обыкнуться пора, почунеть.

– Не торопи, обыкнись. Родной дух, любые раны лечит.

– ...Мне во сне привиделось,

Будто конь мой вороной,

Разыгрался, расплясался,

Ой, разрезвился подо мной.

Ой, разыгрался, расплясался,

Ой, разрезвился подо мной...

Гарно спевала моя жинка, вот только, не мог я от мыслей отделаться о походах и злость унять. Не мог... Игнат, Григорий Петрович, Гордей... трава-мурова покрыла их курганами. Будь проклят Емельян и сапухой усыпан. А я внуков дождусь, да стану этим тюлешатам рассказывать, как в Верховьях Урала, бок о бок с удалыми казаками бился, как сверкали наши пашки в ночной тиши, какие заунывно девичьи песни спевал Игнат...

– Ой, да не вечер, да не вечер...

Мне малым-мало спалось,

Мне малым-мало спалось,

Ой, да во сне привиделось

И В ОГОНЬ И В ВОДУ АЛЕНА МЕДВЕДЕВА

Жила-была Мышка в очень глубокой норе, которая находилась на вершине зелёного холма среди густого леса. Это было самое лучшее место в лесу. Тут всегда была сочная травка, тёплое солнце. Недалеко под дубом протекал небольшой ручей с ключевой водой.

Однажды Мышка решила пойти на поляну за земляникой. В этом лесу все очень любили ароматные ягодки. Был даже сделан праздник по сбору самых самых первых. Как только показали первые лучики солнца, Мышка выбралась из своей норки и, прихватив с собой маленькую плетеную корзиночку, отправилась в путь. По дороге она встретила олениху, которая постоянно вытаскивала маленького олененка из зарослей колючего терновника, а потом долго его ругала за то, что он далеко убегает от неё и попадает в неприятности. Мимо пронеслась огромная кабаниха, за которой караваном следовали полосатые кабанчики, весело похрюкивая. Все торопились на летний праздник. Вскоре и Мышка добралась до солнечной полянки. Зверей тут уже было очень много. И свободного места почти не было. Но ей все-таки удалось прошмыгнуть между копытами лося и набрать половину корзинки.

Вдруг чёрная и страшная тень быстро пронеслась по поляне и распугала всех лесных жителей. Мышка тоже бросила свою корзинку и побежала прочь. Но когтистая лапа Орла ухватила её и стремительно взмыла вверх. Сердце Мышки от страха забилося ещё быстрее. Качающаяся картинка леса оставалась где-то далеко внизу, а вместе с ним и любимая нора.

Солнце поднялось уже довольно высоко, когда Орёл приземлился к своему гнезду. Там были двое маленьких, сереньких птенца, которые жадно открывали свои клювики. Когтистая лапа разжалась, и Мышка упала прямо между ними. Взмахнув огромными крыльями, Орёл молниеносно взмыл в голубое небо и улетел. Птенцы сразу громко запищали и прижались к Мышке.

– Тихо, тихо, маленькие, – запричитала Мышка. – Ваша мама... или папа скоро прилетят.

Птенцы тут же притихли и заснули, а Мышка стала думать, как ей отсюда выбраться. Ведь ужином Орла она не хотела стать. Гостыя аккуратно вылезла из-под спящих малышей и подошла к краю гнезда. Высота была внушительная. На трясущихся лапках она переползла через край гнезда и сильно прижалась к ветке дуба. Маленькими шажочками она начала перебираться к стволу. Но вдруг замерла. Две пары кошачьих глаз пристально смотрели на неё. Рыжая плутовка с кисточками на ушах демонстративно облизывалась и стала медленно приближаться к ней. Мышка от испуга забыла про свои страхи и ринулась обратно в гнездо. Спрятавшись под листочками, она стала наблюдать за хищницей, которая нашла себе новый ужин в виде маленьких птенцов.

Кошачий нос начал интенсивно принюхиваться к едва оперившимся птичкам, а влажный розовый язык с аппетитом облизнул одного из них. Потом другого. Внезапно послышался громкий рык и Рысь начала вертеть головой из стороны в сторону, пытаясь сбросить со своей морды Мышку, которая замертво вцепилась зубами в её нос. Не удержав равновесие, хищница соскользнула вниз. Но ухватиться за ветку ей все-таки удалось. Тряхнув сильнее головой, она скинула с себя Мышку и снова ринулась к гнезду. Но и Мышка не растерялась. Она быстро перелезла с ветки на ветку и побежала к гнезду. В этот момент Рысь одного птенца уже схватила за горло и потащила к краю гнезда. Мышка, собрав все свои силы, бросилась на помощь. Плавными движениями маленького тельца она приблизилась к полосатой кошке и снова вцепилась в ее наглуую морду. Птенец выпал из пасти и громко защебетал. Внезапно по гнезду пролетела огромная тень Орла. Рысь в очередной раз издала истошный рык и, цепляясь за попадающиеся ветки, начала падать вниз. В отличие от неё, Мышке удалось ухватиться за тоненькую

ветку, торчащую из гнезда. Но мысль о том, что теперь она точно станет ужином Орла, её совсем не радовала. Маленькие лапки отпустили веточку и грызун стремительно полетел вниз. Но вскоре Мышка почувствовала, как огромные когти подхватили ее и снова подняли наверх. Орёл присел на край гнезда, аккуратно отпустил Мышку и промолвил:

– Эта Рысь не в первый раз нападает на птенцов. Раньше Орлица защищала гнездо. Но в последней схватке она погибла. И пока я летаю за едой, птенцы остаются одни. Спасибо тебе за то, что помогла. Не отдала их на растерзание. Поэтому желай! Желай чего хочешь! Я все сделаю! – Хочу обратно домой, в свою норку, – жалобно пропищала Мышка. – Тогда держись крепче, – крикнул Орёл и взмыл в голубое небо.

КАК ВАНЕЧКА ЖЕНУ ИСКАЛ НАДЕЖДА ВОРОБЬЁВА

В некотором царстве, в тридевятиом государстве, жил-был Ванечка-дурачок. И силен он был, и ликом пригож, и в технике разбирался как никто, а таблицу умножения так и не выучил, и «Анну Каренину» не прочитал.

Работал наш Ванечка в сервисе по ремонту магических средств передвижения: метел, ступ, ковров-самолетов и, новомодных, электровеников.

Однажды, в дождливый осенний день, когда все остальные работники сервиса уже и по домам разошлись (да кого нелегкая может принести в нелетную погоду в сервис?!), зашла к Ванечке девица-краса. Мокрая да смурная. И говорит Ванечке:

– Веник почини, орясина!

А Ванечка аж рот разинул – ну до чего девица собой хороша! Статная да пригожая. Куда гостью усадить, чем потчевать? Растерялся наш дурачок. А девица не понимает:

– Ты что, дебил? Веник почини, говорю! Значит так, вот тебе веник, вот тебе три червонца, завтра приду.

Развернулась на каблучках, да и была такова. Сидит Ванечка, пригорюнился. Ах, какая девка красная, идёт – как лебедь белая плывет,

очаи сверкает – как молния яриться.

Не заметил наш дурачок, как к нему филин ручной прилетел. На плечо сел, глазами горит, да речи мудреные ведёт:

– Друг мой, Ванечка, что не весел сидишь, что головушку повесил?

– Здравствуй, Филя, друг мой пернатый. Встретил я девицу-красавицу, а слова ей сказать не посмел – заробел. Не жить мне без неё, век вековать.

Подсоби, слово верное скажи, как мне её женой своей назвать?

Да и рассказал всё, как было. Задумался филин.

– А сходи-ка ты, Ванечка, к сестре моей названной. Она уж тебе поможет. Да смотри, не пугайся, не разнеси там всё!

Дал Филя адресок заветный да и был таков.

День уж к вечеру, закрыл Ванечка сервис да со всех ног по адреску-то и побежал. Час бежит, второй бежит – всё ни как добежать не может. Все лужи собрал, до нитки вымок. Наконец, на третий прибежал, смотрит, а по адресочку-то избушка стоит трехэтажная, коттеджик, значит. Злая собака его охраняет, волкодавом прозывается. Подумал наш герой, подумал и решил: «Я же не волк, что мне собачка милая сделать может?» и смело во двор шагнул.

А собачка-то та волков сроду не видывала, а вот на людей её хорошо натаскали. Как прыгнет, как пасть свою откроет, да Ванечка не лыком шит был, схватил собачку за челюсти, держит и приговаривает:

– Милая собаченька, пропусти меня, пожалуйста, к хозяйке твоей я иду. Нету злого умысла в сердце моём.

Собачка не слушается, слюной всё капает, да рычит. Хорошо бабушка рядом случилась, отогнала собаченьку, помогла Ванечке встать, да и говорит:

– Здравствуй, добрый молодец, дело пытаешь аль от дела лытаешь? Кто это тебе адресок мой сподобился присоветовать?!

И так грозно говорит, что собаченька сама в конуру хвостом вперед вползла. Вспомнил Ванечка, что Филя сказал и не стал бояться:

– Милая бабулечка, Ванечкой меня кличут, дурачком, а адрес мне филин дал, сказал горю моему помочь ты можешь.

И рассказал сызнова всё про беду свою. Бабулечка усмехнулась, костяную ногу почесала, бородавку на носу подергала:

– Стара я стала с добрыми молодцами обчаться, да у меня внучка есть.

Она и поможет. ВЕРОНИКА!

Как закричала бабулечка, так деревья пригнулись, кусты с корнями повырывались да и сами в кучку сложились, а уж сколько листиков сдуло!

Вышла из сарая девушка, чумазая, да босая. Одежка рваная, да не девичья.

– Тут я, милая бабушка, – сказала она дивным голоском хрустальным и в пояс родственнице поклонилась.

А Ванечка аж обомлел, чумазая, а глаза, словно яхонты горят, щеки красные, волосы длинные, коса до пояса. Её умыть, да в платья шелковые приодеть – королевишна будет.

Бухнулся Ванюша наш на колени да слово молвит:

– Девица-красавица, не нужна мне та ведьма злая, хоть она и ликом пригожа, да одета по-царски. Выходи за меня замуж. Я – парень работающий, да добрый, ни кому тебя в обиду не дам.

– Разглядел, значит, – захихикала бабулечка, – да сможешь ли ты мужем быть хорошим? Я кому попало внучку свою не отдам. То, что ты сильный я видела, пёсика нашего легко удержал, а насколько ты умён? Сам себя дурачком назвал. Давай-кось, я тебе загадки загадывать буду, отгадаешь – отдам тебе Веронику, не отгадаешь, восвояси уйдешь. Да никогда больше нас не увидишь!

Задумался Ванечка, да махнул рукой, мол, согласен. Где наша не пропадала!

– Ну, слушай, добрый молодец. Вот тебе первая загадка: ни в огне не горит, ни в воде не тонет.

– Это знаю, обрадовался Ванечка, – лёд.

– Да, – удивилась бабулечка, – это лёд. Ну, слушай вторую загадку: четыре братца под одним шатром стоят.

Не стал Ванечка торопиться, задумался, вдруг да ошибется где:

– Стол это ж.

Вероника на Ванечку искоса поглядывает, улыбается. А вот теперь бабулечка задумалась. Песик и тот, из будки вылез.

– Ладно, сложную загадку тебе загадаю: голова на ножке, в голове горошки, солнце жжет его макушку, хочет сделать погремушку.

– Так, мак это! – сразу изрек Ванечка. Стоит, радуется, не зря в школе загадки учил. Говорил учитель, что вся мудрость в них сокрыта. Смотри-ка пригодились!

Стоит бабулечка, рот разинула, да на внучку оглядывается:

– По сердцу мне этот добрый молодец. Да и не дурачок он вовсе. Пойду за него замуж, – молвила Вероника.

Сговорились они через год свадьбу сыграть.

А электровеник Ванюша починил и завтра же мегере злой отдал.

Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок.

БЛЕСК СТАЛИ ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РАЗУМНЫХ НАТАЛИЯ ВОЛКОВА

Корнелий писал, склонив голову на бок, двигая челюстями в такт скрипа пера по бумаге: «В году 800-м от великого вымирания народов то ли от погодных изменений, то ли от новых вирусов, остался на планете из мыслящих только я, Корнелий Агасиус, писатель и летописец. Решил возложить я на себя бремя сохранения истории и происходящего, единственным свидетелем которого я и являюсь».

Корнелий отложил перо и устался на потолок. Он уже несколько лет не покидал своей кельи, как он называл небольшое сырое помещение под бывшим Театром, стоявшим на широкой площади города прямо напротив Кремля. Некогда залы этого Театра блистали, в нем собиралась нарядная и богатая публика, музыка гроыхала, шум оваций, взрывы аплодисментов...

Корнелий этого ничего не помнил, он родился намного позже великого вымирания народов в семье единственных мыслящих, оставшихся на планете. Так рассказывал ему дед, великий ученый, Публий Агасиус, ныне покойный. В те времена семья их была большая, жили они дружно, занимая все подвалы, гримерные и складские помещения Театра, уцелевшие после вымирания народов. Во времена детства Корнелий можно было еще найти блестящие доспехи, широкие дамские платья и веера, парики и шпаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.